

Хотя охранники не знали, кто эти люди, но вдали от дома лучше избегать неприятностей. Он не рассердился, а лишь объяснил:

— Гунцзы, боюсь, вы ошибаетесь. Это лучшее лекарство.

— Оно и есть лекарство, но без добавления красного киноварного цветка. Красный киноварный цветок рассеивает энергию и разъедает сердечные сосуды. Если применять его десять дней подряд, никто не сможет спасти больного, — сказал Лю Сяньань. — А он ещё и тяжело ранен, так что срок, должно быть, меньше десяти дней.

— Гунцзы... вы врач? — Видя, что он говорит осмысленно, глава охраны не посмел недооценивать его и лично принёс флакон с лекарством. — Мы взяли это средство из дома, потому в нём не может быть ничего странного. Прошу вас, гунцзы, взгляните ещё раз.

— Смотреть бесполезно, — А-Нин не позволил ему подойти ближе. — Даже я чувствую запах, а значит, киноварного цветка не просто добавили, но и в большом количестве. Вам лучше поскорее очистить рану от порошка и крови, перевязать её и немедленно отправить его в деревню Байхэ на лечение.

— Мы как раз направлялись в деревню Байхэ, — в этот момент за его спиной поднялся ещё один охранник. — В таком случае нам не стоит здесь задерживаться. Поторопимся.

Их командир не мог определить, насколько слова Лю Сяньаня достоверны, но не посмел легкомысленно относиться к человеческой жизни и не стал выяснять, как лекарство могло испортиться. К счастью, они были совсем рядом с деревней Байхэ, потому, поспешно поблагодарив, он велел всем собрать вещи и немедленно выдвигаться.

Охранники вновь подняли носилки и покинули лес бегом под непрерывные команды командира.

Гао Линь взял меч, позвал трёх стражников с вёдрами и отправился к ручью за водой.

Лян Шу заговорил, лишь когда вокруг вновь воцарилась тишина:

— Раз вы разбираетесь в медицине, почему не вылечили его?

— Ваша светлость ошибается. Я не врач и никогда никого не лечил, — объяснил Лю Сяньань. — Просто могу распознавать запахи различных лекарственных трав.

Для юношей и девушек деревни Байхэ это был базовый навык, которому все начинали учиться с четырёх-пяти лет. Разница лишь в том, что кто-то схватывал быстрее, а кто-то медленнее. Но Второй младший господин Лю учился слишком быстро, потому все решили, что он жульничает. Даже если он сдавал экзамены без ошибок, взрослые обвиняли его в обмане.

Лю Сяньань не оправдывался. В то время он был слишком мал и не понимал, как учитель пришёл к такому выводу. Он лишь смотрел на развевающиеся усы и молча отступал на пару шагов, чтобы на него не попали брызги слюны. После долгих упрёков он не выдержал и сокрушённо покачал головой.

«Воистину, малознающий близорук, — подумал он. — Что ещё можно сказать такому человеку?»

Он возвёл взор к небу и вздохнул.

Впоследствии подобное случалось ещё много раз. Поначалу Лю Сяньань пытался поставить себя на место других и их глазами взглянуть на своё поведение, чтобы понять, действительно ли оно абсурдно и лениво. Но, поразмыслив, он решил: если люди в этом мире берут за стандарт правоты и неправоты собственные представления, разве у каждого не будет своего стандарта? А раз у каждого может быть стандарт, почему он должен следовать их стандартам, а не своим?

Придя к такому выводу, Второй младший господин Лю вновь растянулся на мягком ложе и с наслаждением выдохнул.

В последующие годы он полностью отпустил себя и, словно бессмертный, одиноко дрейфовал по жизни. Одной ногой он был заточён в брэнном теле и мог ступать по мирской юдоли лишь с оковами семьи, родных и друзей, наблюдая жизнь и смерть, болезни и страдания. Другой ногой, опираясь на несокрушимый дух, он шагал высоко в лазурных небесах, предаваясь странствиям по миру и часто не желая возвращаться.

В этом мире был белый журавль, что в любом месте и в любое время мог нести на себе солнце и луну.

Но Лян Шу был его полной противоположностью.

Двор бурлил, на поле боя лилась кровь, а осколки прошлых событий могли сложиться в огромный костёр, сжигая все невинные мысли детства. В его памяти не было журавля, росы и леса, шелестящего на ветру, лишь интриги, резня и кувшин крепкого вина в долгую ночь.

Лян Шу ещё помнил, как в детстве встретил мастера деревни Байхэ, который привёз на северо-запад множество учеников, чтобы помогать армии. Война была подобна натянутой тетиве. Он следовал за учителем, день за днём ведя в бой отряды элитных солдат, а затем на носилках уносил обратно раненых. Пламя войны разгоралось, угасало и разгоралось вновь. Плоть и кровь разрывались, заживали и разрывались снова. Тёмно-красный закат висел над пустыней, и каждый вдох обжигал горло, словно огнём. В моменты крайней усталости он даже подозревал, что попал в трагический цикл, который никогда не закончится.

А-Нин раздул огонь и вытряхнул из тыквы несколько маленьких завернутых пилюль:

— Молодой господин, примите снотворное и ложитесь пораньше.

— Сегодня я не смогу лечь рано, — сказал Лю Сяньань.

Услышав это, Лян Шу слегка приподнял брови. А-Нин не понял и тихо спросил:

— Почему? Разве князь хочет поговорить с вами? Вряд ли, он, кажется, погружён в раздумья и не стремится к беседе.

— К нам идёт ещё один человек и плачет, — ответил Лю Сяньань.

А-Нин насторожил уши и прислушался. Спустя долгое время ветер наконец донёс призрачные рыдания.

Слух Лю Сяньаня был почти сравним со слухом Лян Шу, обладавшего глубокой внутренней силой. Всё потому, что в детстве у него не было друзей, и во время долгих часов одиноких раздумий он научился ловить каждый звук на ветру, чтобы скрасить одиночество.

Лян Шу спросил:

— А вы знаете, кто идёт?

Лю Сяньань покачал головой:

— Нет, но рана, должно быть, крайне серьёзна, иначе он не мог бы издавать такие звуки.

Хриплые, измождённые, словно горло разорвано в клочья или все кости в теле переломаны — хотя на самом деле всё было не так плохо.

Гао Линь вышел из чащи, держа в руке верёвку, к которой были привязаны охранники с разбитыми носами и опухшими лицами. Это была та же группа, что и прежде. Однако глава охраны поспешно нёс носилки вместе с тремя солдатами. Его рука тоже была ранена и кровоточила.

Лю Сяньань слегка удивился. Во-первых, у них и вправду были проблемы, а во-вторых, как Гао Линь узнал об этом?

Гао Линь подошёл и сказал Лян Шу:

— Догадка вашей светлости верна. Они не успели уйти далеко, как попытались зарезать человека.

Кого они хотели убить? Главу охраны и того, кто лежал на носилках. Если бы Гао Линь не вмешался вовремя, в горах было бы на два трупа больше.

— Великая благодарность этому благородному мужу, — глава охраны всё ещё был в шоке. Он упал на колени и стал кланяться, не обращая внимания на собственные раны. — Умоляю, помогите ещё раз и проводите моего молодого господина в деревню Байхэ. Если вы спасёте его, я, Чан Сяохань, в будущем непременно отплачу своей жизнью!

Увидев, как этот человек стоит на коленях на груде камней, разбивая лоб в кровь, Лян Шу обернулся и взглянул на Лю Сяньаня, сидевшего под деревом:

— Его можно спасти?

Гао Линь был крайне озадачен. Откуда Второй младший господин Лю мог знать?

Лю Сяньань подошёл к носилкам. Лишь теперь он разглядел лицо раненого. Тот выглядел совсем юным, лет пятнадцати-шестнадцати. Губы его посинели, пульс был сбивчив — состояние ухудшилось. Потому он поднял голову и спросил:

— Он снова упал?

Гао Линь был потрясён и даже впечатлён. Он и вправду мог определить?

Чан Сяохань поспешно кивнул:

— Да.

— Нет нужды везти его в деревню Байхэ. Когда он упал, яд достиг сердца, будет слишком поздно, — Лю Сяньань протянул руку. — А-Нин, дай мне аптечку.

А-Нин побежал к повозке.

Лю Сяньань велел Чан Сяоханю вскипятить воду, закатал рукава, выпрямил тело раненого и слегка приподнял его голову. Гао Линь видел, что его приёмы неуклюжи, сила невелика — совсем не похоже на знаменитых врачей деревни Байхэ, которые голыми руками могли пришивать отрубленные руки и распиливать ноги. Потому он сквозь зубы выдавил:

— Ваша светлость, всё ли в порядке? - прошептал Гао Линь - Не прикончит ли он человека?

— Не надо шептаться, как вор, Второй господин Лю вас слышит. - сказал Лян Шу.

— А?

— Если его не вылечить, он точно умрёт. — Лю Сяньань не поднимал головы, всё ещё осматривая раненого. — Я попробую. Думаю, это должно быть почти так, как написано в книгах.

Попробую, думаю, должно, почти — все четыре элемента налицо, подумал Гао Линь. Сегодня этому молодому господину из какой-то секты, похоже, конец. Его подчинённые — шпионы, он ранен и отравлен, во время драки свалился с носилок, а теперь встретил врача-недоучку. Какое невезение, поистине злой рок.

Пусть готовится к следующей жизни.

— Молодой господин. — А-Нин открыл аптечку. Лю Сяньань простерилизовал серебряную иглу, нашёл точку акупунктуры и медленно ввёл её. Лишь с первой иглой он слегка замешкался, затем движения становились всё увереннее, и вскоре голова перед ним была утыкана иглами, подобно ежу.

А-Нин вытер ему платком капельки пота на лбу.

Пока вода кипятилась, Чан Сяохань всё время стоял рядом. Хотя он внимательно наблюдал, но так и не догадался, что Лю Сяньань впервые делал акупунктуру. Ему казалось, что тот выглядит очень уверенно, и жизнь его молодого господина должна быть спасена. Потому что сердце, застрявшее в горле, медленно вернулось на место, и он спросил А-Нина:

— Не скажете, как зовут этого врача?

— Моего господина зовут Лю.

— Лю? Фамилия Лю? — Чан Сяохань опешил. — Неужели из деревни Байхэ?

— Да. — А-Нин напомнил. — Говорите потише, не отвлекайте молодого господина.

— Хорошо, хорошо, не буду. — Чан Сяохань чуть не заплакал от радости, пробормотал благодарность небесам и сел на землю, больше не нервничая.

Гао Линь стоял в стороне с ножом в руке, размышляя про себя: «Ещё неизвестно, благословили его небеса или нет. Разве вы не видите, что ваш молодой господин уже выдохнул, но не вдохнул? Если тот человек и вправду умрёт, это не наша вина».

Как только он подумал об этом, безвольный человек на носилках внезапно откашлялся и выплюнул большой комок чёрной крови. А-Нин тут же радостно воскликнул:

— Молодой господин, он сейчас очнётся!

Гао Линь: «?»

Лю Сяньань вытащил последнюю серебряную иглу и медленно выдохнул:

— Это и вправду несложно.

— Да, у Лю-гунцзы прекрасные медицинские навыки, потому это и вправду легко, — Чан Сяохань вновь низко поклонился, не подозревая, что «несложно» здесь означало «иглоукалывание по книгам и вправду несложно».

И рецепты по книгам выписывать тоже несложно.

Медицинские книги семьи Лю были составлены их же предками. Всевозможные симптомы, фармакология и методы баланса элементов были расписаны крайне подробно, что было очень удобно для Лю Сяньаня. Он быстро выписал два рецепта: один для наружного применения, другой для приёма внутрь.

Пользуясь свободным временем, А-Нин достал бинты, чтобы перевязать рану на руке Чан Сяоханя. Сначала он вытер кровь чистой тканью, но прежде чем успел нанести лекарство, словно обнаружил что-то странное, тщательно принялся и нахмурился:

— Вы и сами отравлены, разве не заметили? Если высушенную красную виноградную лозу поджечь и вдыхать её аромат слишком долго, это приведёт к слабости тела, неспособности сосредоточиться и поднять ци. Если использовать её круглый год, это ничем не отличается от приёма яда.

— Я? — Услышав это предупреждение, Чан Сяохань смутно вспомнил, что в последнее время испытывал подобные симптомы.

Охранники секты Ваньли перед выездом проверяли вещи на яды, но не проверяли лекарства для ран и благовония в спальне. Если крыса хотела напасть, у неё действительно были возможности.

Вспомнив всё время, проведённое вместе в пути, он ощутил, как по спине пробежал холодный пот.

— Но у вас крепкое здоровье, потому ничего страшного. Подождите несколько месяцев, и всё будет в порядке, — А-Нин забинтовал рану и продолжил: — Большая часть яда вашего молодого господина уже выведена, остальное можно постепенно вымыть лекарствами. По прибытии в город Байхэ отправляйтесь на восток и найдите доктора Чжана из медицинского центра Кантай. Он может предоставить вам жильё, а также помочь зашить раны и приготовить

отвар. Что касается деревни Байхэ, туда всегда стекаются пациенты со всей страны, спешащие спасти свои жизни, потому нет нужды бороться за место.

— Хорошо, раз гениальный врач говорит, что всё в порядке, мы не будем соревноваться с другими, — кивал Чан Сяохань снова и снова.

Гао Линь не мог понять. Что только что произошло? Этот Второй молодой господин так быстро и легко спас жизнь? Даже маленький слуга рядом с ним мог лечить, а его называют самым никчёмным и бесполезным сыном семьи Лю за всю историю. Требования деревни Байхэ слишком высоки.

Дыхание человека на носилках постепенно выравнивалось. Чан Сяохань вновь поблагодарил Лян Шу и Гао Линя, а заодно спросил, не могут ли они продать ему небольшую повозку или хотя бы лошадь.

Подобная наглость действительно недопустима, но в глуши он честно не видел другого выхода, потому осмелился попросить.

Чан Сяохань продолжил:

— Я мастер секты Ваньли, а раненый — мой молодой господин, Чан Сяоцю. По приказу главного Мастера мы сопровождали партию товаров в Цинцзян и не ожидали засады в районе гор Фуху. Сначала я недоумевал, как мы могли встретить бандитов, но теперь вижу, что эта ловушка подстроена кем то изнутри, возможно, готовилась очень давно.

Лян Шу взглянул налево.

Большинство охранников, приведённых Гао Линем, уже отключились от боли, а те немногие, кто ещё держался, корчились, полумёртвые. Чан Сяохань не знал, как поступить с ними. По логике, следовало доставить их в секту для допроса, чтобы выяснить все обстоятельства, но в такое трудное время у него действительно не было ресурсов. Тогда он услышал, как Гао Линь говорит:

— Я дам вам повозку и оставлю несколько людей. Мы тоже направляемся к горам Фуху. Если у них и вправду есть связи с бандитами, мы сможем их допросить.

Чан Сяохань, естественно, не мог отказать. Он уже понял, что собеседник не хочет раскрывать свою личность, потому не стал расспрашивать, но по одежде и манерам мог догадаться, что тот из знатной семьи. К тому же, он спас ему жизнь и мог свободно общаться с молодым господином из деревни Байхэ, потому ему можно доверять. Он сказал:

— В городе Мулань близ гор Фуху тоже есть отделение секты Ваньли. Если вам будет удобно, не могли бы вы отправить их туда под стражу после допроса?

Гао Линь не стал комментировать, но приказал стражам подготовить небольшую повозку, чтобы Чан Сяохань мог отвезти Чан Сяоцю в город Байхэ.

Лю Сяньань совершенно не интересовался предателями и не обращал внимания на разговор рядом. Он привёл в порядок аптечку, тщательно вымыл руки и, почувствовав лёгкий голод и слабость, достал из сумки закуски и принялся неспешно их есть, стоя под деревом. Группа окровавленных людей поблизости, казалось, никак не влияла на его аппетит.

Генерал Гао отвернулся, скрестил руки и шёпотом сказал своему князю:

— Он человек великого таланта.

Выражение лица Лян Шу не изменилось, но его пальцы слегка дёрнулись.

Свист!

Луч серебристого света вонзился в живот охранника. Тот широко раскрыл глаза, и чёрная кровь хлынула у него из горла.

Она забрызгала подол одежды Лю Сяньаня.

— Молодой господин! — А-Нин поспешил оттащить его назад.

Гао Линь остолбенел. Он медленно схватился за лоб, не желая больше смотреть.

Хотя его князь всегда был бесстыден, нельзя ли впредь поменьше таких постыдных поступков?

Лю Сяньань никак на это не отреагировал. Он завернул половину закусок, велел А-Нину подержать их, вернулся в повозку, переоделся, повторил процедуру мытья и сушки рук, забрал закуски и продолжил есть.

Он не проронил ни слова.

Гао Линь вновь был поражён его реакцией.

Лян Шу долго смотрел на то, как он неторопливо ест и наконец понял одну вещь.

Кажется, этот человек не умеет злиться.